



ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

**РЕЛИГИОЗНО-ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕИ СВЕРХЧЕЛОВЕКА
В ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА: МЕЖДУ БОГОЧЕЛОВЕКОМ И АНТИХРИСТОМ**

**RELIGIOUS-DUALISM INTERPRET THE IDEA OF OVERMAN IN PHILOSOPHY
OF V.S. SOLOVYOV: BETWEEN THE GOD-MAN AND THE ANTICHRIST**

Д.А. Беляев

D.A. Belyaev

*Липецкий государственный педагогический университет, Россия, 398020, Липецк, ул. Ленина, 42
Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin St, Lipetsk, 398020, Russia*

E-mail: dm.a.belyaev@gmail.com

Ключевые слова: сверхчеловек, Соловьев, Ницше, богочеловек, богочеловечество, бессмертие, София, всеединство, антихрист, андрогин.

Key words: overman, Solovyov, Nietzsche, God-man, divine humanity, immortality, Sofia, vseedinstvo, the Antichrist, androgyne.

Аннотация. Идея сверхчеловека занимает значимое место в философском дискурсе России конца XIX – начала XX века. В статье рассматривается модель интерпретации этой идеи в философии В.С. Соловьева, ставшая магистральной для всей последующей традиции философского говорения о феномене сверхчеловека. Работа базируется на обширном источниковом материале собственно сочинений мыслителя, также привлекается широкий спектр ведущих классических и современных исследований по рассматриваемой теме. Работа основана на методе сравнительного философского анализа, целью которой является аналитическое рассмотрение специфики философско-религиозной интерпретации В.С. Соловьевым идеи сверхчеловека. Особое внимание уделяется заочному диалогу отечественного мыслителя с Ницше по вопросу понимания смысла данного феномена, его антропологическому и аксиологическому измерению. В ходе исследования выделяются два локальных концепта возможной актуализации сверхчеловека – «антихрист» и «богочеловек»; отдельно осуществляется их сравнительный атрибутивный анализ. В итоге делается вывод о дуалистическом понимании отечественным философом идеи сверхчеловека, вбирающим в себя полярные ценностные основания.

Resume. The idea of the overman takes a significant place in the philosophical discourse of Russia in the late XIX – early XX century. In this article we consider a model of the interpretation of the idea of the overman philosophy. V.S. Solovyov, which has become the backbone for all subsequent philosophical tradition of speaking about the phenomenon of overman. The work is based on extensive of the source material actually works V.S. Solovyov also involve a broad range of leading classical and contemporary research on the topic. The article is based on the method of comparative philosophical analysis. Its aim is an analytical review of the specific philosophical and religious interpretation V.S. Solovyov's idea of overman. Particular attention is given to correspondence Solovyov dialogue with Nietzsche on the question of understanding the meaning of the phenomenon of the overman, his anthropological and axiological measurement. In the study, there are two possible updating of the local concept of the superman – «Antichrist» and «God-man». Separately, an attribute is their comparative analysis. As a result, it is concluded dualistic understanding of domestic philosopher, the idea of overman, absorbs polar value grounds.

Концепт «сверхчеловек», концентрирующий в себе предельные антропологические и социокультурные смыслы и ценности, является неотъемлемой частью отечественной культуры. Значительный период времени его культурное бытование носило синкретический и неявный характер, опосредованно выражаясь в былинно-мифологическом и литературно-художественном дискурсах. Только с конца XIX в. в России начинается эксплицитное философское осмысление идеи сверхчеловека. Она становится объектом рассмотрения в творчестве таких мыслителей как Н.Ф. Федоров, Вяч. Иванов, А. Белый, Н.А. Бердяев [См.: Беляев: Религиозно-сциентистский проект... С. 31-33; Беляев: В. Иванов о неорелигиозном прочтении... С. 52-54; Belyaev: N.A. Berdyaev's understanding... P. 145-146].

Все без исключения отечественные мыслители этого периода, размышлявшие о феномене сверхчеловека, неизбежно отправной точкой своих рассуждений имели философию Ф. Ницше. Она стала катализатором и интеллектуальным раздражителем, спровоцировавшим создание дискурса



явного, непосредственного и, что существенно, оригинального философского говорения об идее сверхчеловека. Ю.В. Синеокая справедливо отмечает, что «зачастую сверхчеловек Ницше служил лишь маской, под которой скрывались оригинальные черты своеобразной концепции того или иного автора» [Синеокая: Проблема сверхчеловека у Соловьева и Ницше, с. 70].

В целом общим правилом для отечественного понимания ницшева сверхчеловека стала его трактовка как феномена религиозного сознания. Парадоксально, но эта идея, являющаяся одной из центральных в философии Ницше, через которую, на первый взгляд, постоянно транслировалась антихристианская, антирелигиозная и антиметафизическая позиция, получила именно «религиозно-метафизическую окраску» [Синеокая: Философия Ницше и духовный опыт России..., с. 181]. С.П. Знаменский утверждал, что «создавая сверхчеловека, Ницше хотел найти эквивалент утраченной им веры в Бога» [Знаменский: «Сверхчеловек» Ницше, С. 78], тем самым вводя его в религиозный дискурс. Само понятие обрело множество синонимичных вариантов употребления и автозамещения, которые сами по себе иллюстрируют специфику его бытования в отечественной философской культуре конца XIX – начала XX века. Так, термин «сверхчеловек» в разных интерпретациях авторов мог прямо заменяться или семантически соотноситься с понятиями «богочеловек», «человекобог», «человек Христа», «совершенный человек», «грядущий человек», «последний человек», «антихрист» [См.: Авксентьев: Сверхчеловек. Культурно-этический идеал Ницше, 1906; Ефименко: «Сверхчеловек» и «Последний человек» в учении Ницше, С.231-236; Шулятиков: Новое искусство: мечты о сверхчеловеке, С. 3]. Уже этот приведенный понятийный ряд указывает на неоднозначность семантической транскрипции идеи сверхчеловека.

Среди множества авторов, обращавшихся к рассмотрению идеи сверхчеловека, особняком стоит В.С. Соловьев, который фактически задает рамки всего отечественного религиозно-философского дискурса о данной идее. В своих размышлениях он отталкивался от критического осмысления модели-образа ницшева *Übermensch*. Отечественный мыслитель в целом демонстрирует двойственное отношение к немецкому философу и его интеллектуальному наследию. С одной стороны, Соловьев с иронией называет Ницше «сверхфилологом», мечтавшим стать «сверхчеловеком» [Соловьев: Словесность или истина?, с. 290], возможно, намеренно не упоминает даже его имени в своих академических работах, а философию «базельского профессора» считает по большей части «бессильными словесными упражнениями» [Соловьев: Словесность или истина?, с. 293]. С другой стороны, Соловьев называет философию Ницше в ряду трех «самых модных» [Соловьев: Идея сверхчеловека, с. 295] идей конца XIX в., отмечая, что именно она является самой «интересной», т.к. обращена к будущему человечества, его «послезавтрашнему дню» [Соловьев: Идея сверхчеловека, с. 295]. Также А. Белый, вспоминая свой последний разговор с Соловьевым, отметил «глубокую серьезность» в словах философа, обращенных к Ницше [Белый: Владимир Соловьев. Из воспоминаний, с. 4]. На наш взгляд, отечественный мыслитель, что особенно заметно в его последних работах и письмах, возможно, трагически понял правоту Ницше в его диагнозе духовного состояния европейской культуры, хотя и остался категорически не согласен с путем его преодоления, предложенным «базельским профессором».

При всем изначальном идейном антагонизме Соловьева как христианского мыслителя по отношению к философии Ницше, во многом противостоящей христианству, он пытается найти содержащуюся в ней «непременную истину». И обнаруживает ее Соловьев именно в идее «демонического сверхчеловека», ставшей, по его мнению, «опасным соблазном» [Соловьев: Словесность или истина?, с. 290].

Популярность идеи сверхчеловека он связывает с тем, что в ней заложены глубинные и естественные человеческие устремленности к совершенствованию, преодолению своей наличествующей данности. «Человеку естественно хотеть быть лучше и больше, чем он есть в действительности, ему естественно тяготеть к идеалу сверхчеловека» [Соловьев: Идея сверхчеловека, с. 297]. И последний, в понимании Соловьева, становится собирательной точкой устремленности человека к более совершенному, преображенному состоянию. Вследствие этого идея сверхчеловека изначально укоренена в сознании, природе человека, являясь перспективным горизонтом его антропологической эволюции.

А.Е. Величенко справедливо отмечает, что «для Вл. Соловьева существует два полюса проблемы сверхчеловека – Христос и антихрист» [Величенко: Учение о сверхчеловеке...]. Соловьев формулирует два семантически полярных варианта экспликации идеи сверхчеловека, ее возможной актуализации в социокультурном духовном дискурсе, заключенных в концептах «антихрист» и «богочеловек». Сразу обращает на себя внимание то, что оба локальных концепта являются феноменами религиозного сознания, выступая антропологическими полярностями предельных актуализаций человека.

Итак, в концепте «антихрист» Соловьев сосредотачивает негативное видение сверхчеловека. При этом прямая корреляция понятий «сверхчеловек» и «антихрист», подчас доходящая до тождества, является традиционной для философско-религиозной мысли России конца XIX – начала XX ве-

ка. Например, Е.Н. Трубецкой считал, что «совершенно естественно и понятно, что в противопоставлении себя Богу антихрист заявляет себя *сверхчеловеком*» [Трубецкой: Миросозерцание В.С. Соловьева, 277]. Это соотнесение во многом основано на ницшеанском творческом наследии, в частности, на названии одной из последних работ немецкого мыслителя – «Антихрист». Соответственно, была выстроена прямая семантическая цепочка – Ницше-сверхчеловек-антихрист.

У Соловьева последний также имеет прямые коннотации именно с ницшевым сверхчеловеком. В.К. Кантор отмечает, что «в создании психологического портрета антихриста философ опирался, прежде всего, на ницшевский образ сверхчеловека» [Кантор, 23]. Фактически антихрист, по Соловьеву, – это «совершенный человек», существующий как атомарно-эгоистическая антропологическая единица, оторванная от Бога, исключающая из своего существования его онтологическую данность. Собственно, когда Ницше отвергает божественный Абсолют, он, по мнению отечественного мыслителя, совершает «искажение» перспективы сверхчеловеческого пути. Сверхчеловек вне Бога оказывается в пространстве тотального эгоизма и индивидуализма, теряя положительную связь со всем человечеством и, в конечном счете, противопоставляя себя ему. Тем самым он теряет целостность, становясь дробной, эгоцентричной антропной единицей, концентрирующей все «силовые линии» смыслов только вокруг себя. «Грех эгоизма» является одним из тягчайших в понимании русского философа, т.к. ведет к разделению людей, нарушению Всеединства. Ю.В. Синеокая справедливо отмечает, что «у Соловьева нет и быть не может сверхчеловека как представителя особой породы людей» [Синеокая, 73]. Точнее таковым может быть только «негативный сверхчеловек» – антихрист.

В своей последней работе «Три разговора» Соловьев вступает в заочную полемику с эгоцентричным сверхчеловеком Ницше. Так в «Краткой повести об антихристе» собственно его он называет именно сверхчеловеком [Соловьев: Три разговора, 740]. «Соловьевский антихрист необыкновенно умен, велик, прекрасен, благодарен и всемогущ и, обладая своими достоинствами, видит себя полноправным приемником Христа» [Синеокая, 73]. Антихрист «питает свою самость сознанием сверхчеловеческих добродетелей и дарований» [Соловьев: Три разговора, 741]. Его главными характеристиками оказываются воля к власти и эгоцентризм, вырастающий в «безмерное самолюбие» [Кантор, 23]. Соответственно, антихрист предстает как «идеальный человек», но лишенный положительной сопричастности Богу, сосредоточенный лишь на собственной самости, желающий «стяжать себе божественное величие исключительно дарами человеческого гения» [Трубецкой, 277], и, главное, остающийся смертным. И это для русского философа оказывается решающим фактором, указывающим на «лживость» сверхчеловека-антихриста и ложность (тупиковость) его пути. Здесь Соловьев, во-первых, прямо связывает бессмертие и божественное присутствие, первое как атрибут сопричастности человека к Богу; во-вторых, понимает факт смертности как проявление человеческой ограниченности, ущербности. И поэтому *настоящий* сверхчеловек, прежде всего, видится победителем смерти.

Положительную идею сверхчеловека Соловьев раскрывает в концептах «богочеловек» и «богочеловечество». Их семантика инкорпорирована в систему его философии положительного Всеединства. «Богочеловек» – это образ совершенного человека, «софийного всечеловека». В данном случае София является неким идеальным, совершенным человечеством, сосредоточенным в обоженном человеческом существе. И именно оно является соловьевским бого(сверх)человечеством [Синеокая, 73]. «Каждое человеческое существо существенно и действительно коренится и участвует в универсальном или абсолютном человеке. ... все человеческие элементы образуют такой же цельный, вместе универсальный и индивидуальный организм – организм всечеловеческий, то есть Софию, каждый из этих элементов которого – вечная необходимая составная часть вечного богочеловечества» [Соловьев: Чтения о богочеловечестве, 126-127]. В этом смысле сверхчеловек для русского философа возможен только как часть всеобщего богочеловечества. При этом Соловьев совмещает единство множественности в Софии с личной индивидуальностью отдельного субъекта. «Когда мы говорим о вечности человечества, то разумеем вечность каждой отдельной особи, составляющей человечество. Без этой вечности само человечество было бы призрачно» [Соловьев: Чтения о богочеловечестве, 127]. Ю.Б. Мелих справедливо отмечает, что, «идея сверхчеловека принимается Вл. Соловьевым только в контексте личности Христа» и «в контексте проблем бессмертия, жертвы и любви» [Мелих, 99].

Отечественный мыслитель выводит «великую истину», доказывающую необходимость «человеческого бессмертия» [Соловьев: Чтения о богочеловечестве, 127]. Вследствие этого одной из основных характеристик бого(сверх)человека Соловьев считает, вслед за Н.Ф. Федоровым [См.: Беляев: Религиозно-сциентистический проект..., 31-33], бессмертие. То есть размышления о сверхчеловеке вновь приводят философа к понятию смерти как обязательному атрибуту настоящего (сегодняшнего) человека и желанию его преодоления на пути эволюции к «совершенному» человеку – сверхчеловеку. Собственно поэтому первым «подлинным “сверхчеловеком”» он считает Христа как «действительно-го победителя смерти» [Соловьев: Идея сверхчеловека, 300].



Само обретение атанасии Соловьев стремится включить в некий глобальный эволюционный контекст развития природы. «Если природа в биологическом процессе стремится все более и более ограничивать закон смерти, то не должен ли человек в историческом процессе совершенно отменить этот закон?» [Соловьев: Смысл любви, 522]. При этом философ неоднократно подчеркивает, что под бессмертием он понимает прямое, биологическое, а не только духовное. Однако вопрос о путях его достижения мыслитель специально не рассматривает.

Между тем Соловьева, судя по всему, больше волнует не то, *как* человек достигнет бессмертия, а *каким* он в него войдет. Тем самым он выделяет «сопутствующую сверхчеловеческую атрибутику». Так, например, мыслитель прямо утверждает, что «бессмертие совершенно несовместимо с пустотой нашей жизни» [Соловьев: Смысл любви, 520]. «Для большинства человечества жизнь есть только смена тяжелого механического труда и грубочувственных, оглушающих сознание удовольствий. А то меньшинство, которое имеет возможность деятельно заботиться не о средствах только, но и о целях жизни, вместо этого пользуется своей свободой от механической работы главным образом для бессмысленного и безнравственного времяпровождения» [Соловьев: Смысл любви, 520]. Но жизнь даже «великих» людей – художников, политиков, полководцев, писателей – не достойна, чтобы длиться вечно. Все эти занятия быстро исчерпаемы и абсурдны в контексте бесконечности их длительности. Единственное, что может наполнить «абсолютным содержанием нашу жизнь» и оправдать бессмертие – это «истинная любовь», ведущая к Всеединству. Именно нахождение в состоянии абсолютного духовного принятия Любви и растворения своей самости в Софии позволит человеку *адекватно* принять бессмертие.

Помимо этого Соловьев делает некоторые антропологические «наброски» этого бого(сверх)человека, в которых чувствуется определенная двойственность, а также сохранившийся остаточный интерес мыслителя к естествознанию, когда «величайшим предметом его любви были палеозавры и мастодонты» [Соловьев: Идея сверхчеловека, 294]. Как следствие, концепт богочеловека у русского мыслителя вбирает в себя идеалистически-духовную и материалистически-физиологическую атрибутику, понятую в модусе «софийного всеединства».

Например, сначала Соловьев склоняется к необходимости физиологической трансформации человеческого существа для достижения им нового, высшего состояния. Так в работе «Смысл Любви» философ утверждает необходимость обретения человеком некой целостной формы, в которой исчезают гендерные отличия, и все люди сочетают в себе одновременно мужское и женское начала, становясь подобием андрогинных существ. «В эмпирической действительности человека как такового вовсе нет – он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности, как мужская и женская индивидуальность... Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих» [Соловьев: Смысл любви, 513].

Вообще феномен андрогина занимает особое место в философской антропологии Соловьева. Именно в нем, по мысли Н.К. Бонеецкой, мыслитель видит «грядущее восстановление человеческой природы» [Бонеецкая, 84]. Соловьев по-новому переосмысливает платоновский миф об андрогине, христианизировав его и вводя в дискурс собственной «софийной антропологии сверхчеловека». Андрогин оказывается актуальным воплощением лучшего/истинного антропологического существа и средоточием положительной сверхчеловеческой атрибутики, в котором сочетаются бессмертие, антропное двуединство и скрепляющая их Любовь. Н.К. Бонеецкая отмечает, что «представление об *андрогине* в сочинениях Соловьева 1890-х гг. выступает в качестве альтернативы *сверхчеловека* философии Ницше» [Бонеецкая, 83].

На наш взгляд, в этой идее явно выражена тяга к устранению любых оснований, могущих привести к «дробности» человека. Тотальность антропологической целостности оказывается фактором и характеристикой *лучшего, совершенного* человеческого состояния.

Однако позднее Соловьев пересматривает эту идею андрогинности сверхчеловека и начинает склоняться к мысли, что достижение бого(сверх)человеческого состояния возможно без фундаментальных антропологических изменений. Теперь он выделяет человека из естественно-животной среды и законов природной эволюции. Все биологические формы за исключением человека, по мнению философа, совершенствуются в процессе эволюции за счет постепенного выработки «*новых телесных форм*» [Соловьев: Идея сверхчеловека, 298]. Но с появлением человека в мир вступает «такая животная форма, которая благодаря особенно развитому в ней нервно-мозговому аппарату не требует более новых существенных перемен в телесной организации, потому что эта самая форма, сохраняя все свои типичные черты, оставаясь существенно тою же, *может* вместить в себе *беспредельный* ряд степеней внутреннего – душевного и духовного – возрастания: от дикаря-полузверя, который почти лишь потенциально выделяется из мира прочих животных, и до величайших гениев мысли и творчества» [Соловьев: Идея сверхчеловека, 298]. То есть русский философ видит путь совершенствования

человека не в физиолого-морфологических изменениях, а в изменении «способа его функционирования» в уже заданных природой формах [Соловьев: Идея сверхчеловека, 299]. Это совершенное, новое состояние, по мнению Соловьева, возможно через достижение человеком Всеединства, т.е. равноценного сочетания в его духовной и душевной конституции Истины, Добра и Красоты, соединенных христианской Любовью и целостно воплощенного в Софии божественной волей. Примечательно, что этот *положительный* сверхчеловек в перспективе устраняет антропологическую поляризацию духа и тела, оказываясь субъектом созидания софийно преображенного бытия.

В заключение можно констатировать тот факт, что сверхчеловек представлялся Соловьеву как определенный предел современной духовной культуры и антропологии и одновременно выход за ее границы в пространство посясторонней инобытийности, т.е. воспринимался как трансгрессивный антропный субъект, но обязательно в модусе божественно-религиозной сопричастности. В целом дуалистическое видение философом моделей актуализации сверхчеловека стало переходным звеном в генезисе его интерпретации в отечественной интеллектуальной традиции конца XIX – начала XX вв., где присутствовал как вариант его полного отрицания и неприятия, так и эстетически-неоязыческого полубожествления. Итак, Соловьев зафиксировал семантические коннотации между понятиями «сверхчеловек» и «богочеловек», которые были в дальнейшем усилены и развиты в философских и литературно-художественных работах Вяч. Иванова, Д. Мережковского, А. Белого и Н.А. Бердяева. Одновременно антропологический идеал русского философа выходит за рамки собственно религиозной дискурсивности. В частности, он находит свое преломление, в трудах К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского [См.: Лыткин, 63-64]. Все это позволяет говорить о том, что Соловьеву удалось создать актуальную и многомерную модель виденья сверхчеловека как горизонта антропологической перспективы.

Список литературы References

1. Беляев Д.А. Религиозно-сциентический проект сверхчеловека в «философии общего дела» Н.Ф. Федорова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 8. – Часть 2. – С. 31-33.
Belyayev D.A. Religiozno-stsiyenticheskiy proyekt sverkhcheloveka v «filosofii obshchego dela» N.F. Fedorova // Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2011. – № 8. – Chast' 2. – S. 31-33.
2. Беляев Д.А. В. Иванов о неорелигиозном прочтении ницшеанской идеи сверхчеловека // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 26-27 апреля 2013 г. – Липецк: ЛГПУ, 2013. – С. 52-54.
Belyayev D.A. V. Ivanov o neoreligioznom prochtenii nitssheanskoy idei sverkhcheloveka // Gumanitarnistika v usloviyakh sovremennoy sotsiokul'turnoy transformatsii: Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 26-27 aprelya 2013 g. – Lipetsk: LGPU, 2013. – S. 52-54.
3. Belyayev D.A. N.A. Berdyaev's understanding of the Übermensch concept: The Synergy of Creativity and Religion // Intellectual and Moral values of the Modern Society. – B&M Publishing, San Francisco, California, USA, 2013. – P. 145-146.
Belyayev D.A. N.A. Berdyaev's understanding of the Übermensch concept: The Synergy of Creativity and Religion // Intellectual and Moral values of the Modern Society. – B&M Publishing, San Francisco, California, USA, 2013. – P. 145-146.
4. Синеокая Ю.В. Проблема сверхчеловека у Соловьева и Ницше // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 69-80.
Sineokaya YU.V. Problema sverkhcheloveka u Solov'yeva i Nitsshe // Voprosy filo-sofii. – 2002. – № 2. – S. 69-80.
5. Синеокая Ю.В. Философия Ницше и духовный опыт России (конец XIX – начало XXI веков): Дисс. ... докт. филос. наук. – М., 2009.
Sineokaya YU.V. Filosofiya Nitsshe i dukhovnyy opyt Rossii (konets XIX – nachalo XXI vekov): Diss. ... dokt. filoz. nauk. – M., 2009.
6. Знаменский С. «Сверхчеловек» Ницше // Вера и разум. – 1909. – № 3/4. – С. 67-79.
Znamenskiy S. «Sverkhchelovek» Nitsshe // Vera i razum. – 1909. – № 3/4. – S. 67-79.
7. Авксеньев Н. Сверхчеловек. Культурно-этический идеал Ницше. – СПб.: Север, 1906.
Avksen't'yev N. Sverkhchelovek. Kul'turno-eticheskyy ideal Nitsshe. – SPb.: Sever, 1906.
8. Ефименко А. «Сверх-человек» и «Последний человек» в учении Ницше // Вестник и библиотека самообразования. – 1905. – № 8. – С.231-236.



- Yefimenko A. «Sverkh-chelovek» i «Posledniy chelovek» v uchenii Nitsche // Vestnik i biblioteka samoobrazovaniya. – 1905. – № 8. – S.231-236.
9. Шулятиков В. Новое искусство: мечты о сверхчеловеке // Курьер. – 1900. – № 29. – С. 3.
Shulyatikov V. Novoye iskusstvo: mechty o sverkhchelooveke // Kur'yer. – 1900. – № 29. – S. 3.
10. Соловьев В.С. Словесность или истина? // Ницше: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 290-293.
Solov'yev V.S. Slovesnost' ili istina? // Nitsche: pro et contra. – SPb.: RKHGI, 2001. – S. 290-293.
11. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Ницше: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 294-302.
Solov'yev V.S. Ideya sverkhchelooveka // Nitsche: pro et contra. – SPb.: RKHGI, 2001. – S. 294-302.
12. Белый А. Владимир Соловьев. Из воспоминаний // Русское слово. – 1907. – № 277. – С. 4.
Belyu A. Vladimir Solov'yev. Iz vospominaniy // Russkoye slovo. – 1907. – № 277. – S. 4.
13. Величенко А.Е. Учение о сверхчеловеке: диалог Востока и Запада // Paradigma. – URL: <http://paradigma.narod.ru/03/velichenko.html>
Velichenko A.Ye. Ucheniye o sverkhchelooveke: dialog Vostoka i Zapada // Paradigma. – URL: <http://paradigma.narod.ru/03/velichenko.html>
14. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С. Соловьева. В 2 т. – Т. 2. – М.: Медиум, 1995.
Trubetskoy Ye.N. Mirosozertsaniye V.S. Solov'yeva. V 2 t. – T. 2. – M.: Medium, 1995.
15. Кантор В.К. Антихрист, или Ожидавшийся конец европейской истории // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 14-27.
Kantor V.K. Antikhrist, ili Ozhidavshiysya konets yevropeyskoy istorii // Voprosy filosofii. – 2002. – № 2. – S. 14-27.
16. Соловьев В.С. Три разговора // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 635-762.
Solov'yev V.S. Tri razgovora // Sochineniya v 2 t. – M.: Mysl', 1988. – T. 2. – S. 635-762.
17. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // Собрание сочинений в 10 т. – СПб.: Просвещение, 1912. – Т. 3. – С. 3-187.
Solov'yev V.S. Chteniya o bogochelovechestve // Sobraniye sochineniy v 10 t. – SPb.: Prosveshcheniye, 1912. – T. 3. – S. 3-187.
18. Мелих Ю.Б. Утверждение и осуждение индивидуализма у Фридриха Ницше и Владимира Соловьева // Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 97-101.
Melikh YU.B. Utverzhdeniye i osuzhdeniye individualizma u Fridrikha Nitsche i Vladimira Solov'yeva // Voprosy filosofii. – 2002. – № 2. – S. 97-101.
19. Соловьев В.С. Смысл любви // Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 493-547.
Solov'yev V.S. Smysl lyubvi // Sochineniya v 2 t. – M.: Mysl', 1988. – T. 2. – S. 493-547.
20. Боневская Н.К. Андрогин против сверхчеловека // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 81-95.
Bonetskaya N.K. Androgin protiv sverkhchelooveka // Voprosy filosofii. – 2011. – № 7. – S. 81-95.
21. Лыткин В.В. Основания космической антропологии в трудах К.Э. Циолковского как вариант «философии жизни» // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – Вып. 4. – С. 55-64.
Lytkin V.V. Osnovaniya kosmicheskoy antropologii v trudakh K.E. Tsiolkovskogo kak variant «filosofii zhizni» // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. – 2014. – Vyp. 4. – S. 55-64.